

К вопросу о формировании антииранской стратегии Дональда Трампа

Александр Иванович ШУМИЛИН

доктор политических наук, главный научный сотрудник, Отдел европейской безопасности, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы РАН. Адрес: 125009, Москва, Моховая ул., д. 11, стр. 3. E-mail: mideast@bk.ru

Инна Викторовна ШУМИЛИНА

кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт США и Канады РАН. Адрес: 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3. E-mail: mideast@bk.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Шумилин А.И., Шумилина И.В. (2018) К вопросу о формировании антииранской стратегии Дональда Трампа // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 6. С. 56–67. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-56-67

АННОТАЦИЯ. На фоне сопряжения ряда кризисных ситуаций на Ближнем Востоке и в Персидском заливе (Сирия, Йемен, Иран) администрация Дональда Трампа выстраивает базовую стратегию своего подхода к обозначенным конфликтам и региону в целом. В ее центре – противостояние с Ираном, прежде всего – противодействие его ядерной программе. Подходы к другим конфликтам отныне соотносятся с логикой этой генеральной линии. В частности, это может означать, что происходящее в Сирии воспринимается в Вашингтоне в первую очередь в контексте намечающегося нарастания противоборства с Ираном, и только во вторую – в контексте собственно сирийского урегулирования.

Новая американская стратегия в отношении Ирана наталкивается на нескрываемое неприятие ее со стороны европейских партнеров Вашингтона, которые развернули кампанию по противодействию линии Дональда Трампа и сохранению достигнутых в 2015 году с Ираном международных договоренностей по ограничению его ядерной

программы в обмен на постепенное снятие с него санкций. В ответ на выход США из договоренностей с Ираном Евросоюз задействовал финансово-экономические инструменты с целью минимизации ущерба от американских санкций для европейских компаний («Блокирующий статут» и так называемый «Механизм особого назначения», призванный обеспечить финансовые расчеты с Тегераном). Вряд ли, однако, это противодействие европейцев Соединенным Штатам окажется эффективным, так как ставка Вашингтона на антииранскую стратегию позволяет команде Трампа достичь многих из заявленных им целей на Ближнем Востоке: мобилизовать суннитское сообщество, сблизить его с Израилем и в конечном счете восстановить военно-стратегическое доминирование в зоне Персидского залива (контроль маршрутов нефтеперевозок).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Иран, ядерная программа, Сирия, СВПД, США, Дональд Трамп, Персидский залив, Ближний Восток

Толчок к развернувшимся на обоих берегах Евро-Атлантики экспертным дискуссиям по вопросам выработки целостного стратегического подхода к охватываемому кризисами региону Ближнего Востока был дан заявлением президента Дональда Трампа от 8 мая 2018 г. о выходе США из договоренности мирового сообщества с Ираном по мерам ограничения ядерной программы Исламской республики (СВПД – Совместный Всеобъемлющий План Действий, подписанный в 2015 г.). На тот момент, заметим, данный шаг главы Белого дома во многом воспринимался в США и Европе не столько как принципиальное решение стратегического характера, сколько как выполнение им предвыборных обещаний – «разобраться с плохой и вредной сделкой с Ираном», а потому он спровоцировал открытое противостояние по этому вопросу даже с европейскими союзниками.

Сирия как поле боя США с Ираном

Дело в том, что в Вашингтоне не только команда Трампа, но и большая часть законодателей в Конгрессе пришли к выводу, что в своем нынешнем виде СВПД невыгоден его западным подписантам, а потому все отчетливее представляется ошибкой. Главные аргументы американской стороны сводятся к тому, что это соглашение предоставляет Тегерану благоприятные условия для восстановления его экономики, но при этом никак не ограничивает то, что за океаном воспринимают как реально исходящую от Ирана угрозу – политику экспансионизма в ближневосточном регионе, а также поддержку террористических группировок (Хизбалла в Ливане, шиитские милиции в Ираке, Ливане, Сирии, хуситские подразделения в Йемене и т.д.).

При этом в Вашингтоне усиливались голоса тех экспертов и аналитических центров, которые считали, что за последние годы качественно изменились основные параметры военно-стратегического положения Ирана: из страны, «окруженной» враждебно настроенными государствами, он превратился в страну, «окружающую» своих противников (они же главные партнеры и союзники США в регионе), в частности Саудовскую Аравию, другие арабские монархии Персидского залива, Иорданию и Израиль [Eisenstadt 2018]. К тому же, в политических кругах США, как и в Израиле и арабских монархиях, сохраняется устойчивое убеждение, что Иран попросту обманывает мировое сообщество, продолжая проводить в условиях полной секретности работы по ядерному проекту [Henderson 2018]. А финансируются последние главным образом, мол, поступлениями из размораживаемых иранских авуаров на Западе.

Отчетливые наброски проекта ближневосточной стратегии Дональда Трампа, выстраиваемой на «гвоздевой» идее противостояния США и их союзников Ирану, проявились в речи американского президента от 13 октября 2017 г. Глава Белого дома заявил, что отныне «американская политика базируется на ясно сознаваемой оценке иранской диктатуры, поддержки ею терроризма и продолжающейся агрессии на Ближнем Востоке и в мире в целом» [Remarks by President Trump on Iran Strategy 2017].

Более того, в политических кругах США, как и в Израиле и арабских монархиях Персидского залива, сохраняется устойчивое убеждение, что Иран попросту обманывает мировое сообщество, проводя в условиях полной секретности работы по ядерному проекту. А финансируются последние главным образом, мол, поступлениями из

размораживаемых иранских авуаров на Западе.

С американскими оценками, между тем, не склонны соглашаться не только страны Евросоюза, но и такая авторитетная структура, как Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ). В отчете этой организации от 30 августа 2018 г. подчеркивается, что, несмотря на усиливающееся давление со стороны США, покинувших СВПД, Иран продолжает соблюдать условия ядерной сделки [Verification and Monitoring 2018]. Указывается, в частности, что в сфере обогащения урана Тегеран все еще далек от исчерпания установленного договором лимита в 300 килограммов. Замороженным остается строительство реактора на тяжелой воде в городе Арак, который в состоянии производить оружейный плутоний. Да и допуск инспекторов МАГАТЭ на иранские объекты был тщательно отрегулирован [Verification and Monitoring 2018].

Сразу за объявлением Трампа о выходе из СВПД последовали «мозговые штурмы» ведущих аналитических центров с целью попытаться гармонизировать действия Трампа с подходами Вашингтона к другим кризисам в регионе, прежде всего, с сирийским. В результате, таким образом, к августу 2018 г. появились первые признаки формирования ближневосточной стратегии администрации – уже с учетом наработок аналитических центров. Тогда же был назначен и спецпредставитель Госдепа по сирийскому урегулированию Джеймс Джеффри. Похоже, что именно при его активном участии произошло подытоживание аналитических наработок и оформление того, что в американской прессе стало называться «обновленной стратегией США в Сирии».

В отношении противостояния с Ираном комплексной стратегии на тот момент прописано и оформлено еще не

было, поскольку с каждым днем летом-осенью 2018 г. этот вопрос становился все более чувствительным: лидеры США и Ирана вступили в стадию прямых словесных баталий, когда практически ни одно враждебное высказывание в адрес оппонента не оставалось без жесткого ответа. Сирия же представляла собой к осени 2018 г. одновременно поле боевых действий и поле поиска решений и договоренностей с участием (пусть и разноплановым) всех вовлеченных внешних акторов (Россия, США, Иран, Турция, Израиль, Евросоюз). Словом, администрации Трампа требовалось концептуальное обоснование ее позиции. В этих условиях из «чисто сирийского» (при Бараке Обаме и «раннем» Дональде Трампе, еще в апреле 2018 г. заявлявшем о намерении в течение полугода вывести американские подразделения из Сирии после разгрома ИГИЛ) подход Вашингтона к сирийской проблеме стал уже де-факто неотделим от обострявшейся с каждым днем проблемы Ирана. В свете этого справедливо назвать «обновленную стратегию по Сирии» *ираноцентричной* («Проблема Ирана важнее проблемы Сирии»).

Именно Сирия в конечном счете была определена в Вашингтоне как поле потенциального (в значительной степени опосредованного) противостояния США и их союзников с Ираном, что формально исключало опцию прямого столкновения Америки и Исламской республики. Между тем в первые недели после заявления Трампа о выходе из СВПД такая опция активно рассматривалась в американской прессе. В конце июля президент Ирана Хасан Роухани подогрел этот сюжет своим предупреждением в адрес Вашингтона, сказав следующее: «Мир с Ираном означает “Мать мира во всем мире”, а война с Ираном станет “Матерью всех войн”». И предложил Трампу в ви-

тиеватом восточном стиле «не играть с хвостом льва, ибо это очень опасно»¹. 45-й президент США ответил иранскому визави в весьма резкой форме постом в Twitter: «Никогда, никогда не угрожайте Соединенным Штатам, иначе вы испытаете такие последствия, которые мало кто испытывал на протяжении истории. Мы уже не та страна, которая будет впредь терпеть ваши безумные речи, проповедующие насилие и смерть. Будьте осторожны!»²

Вот как Джеймс Джеффри в беседе с корреспондентом газеты *The Washington Post* описал новые элементы американского подхода к сирийско-иранской проблеме: «Новая политика по Сирии сводится к тому, что мы уже не выводим свои подразделения из этой страны до конца текущего года... Американские военные останутся там, пока Сирию не покинут иранские подразделения и будет нанесено окончательное поражение Исламскому государству... Это означает, что мы не торопимся: президент санкционировал более активный подход к проблеме»³. Автор цитируемой статьи в издании *The Washington Post* Карин ДеЯнг ссылается на опрошенных ею сотрудников аппарата Белого дома, согласно которым новую линию поведения в сирийском конфликте Дональд Трамп одобрил после того, как российская сторона, мол, подтвердила свои «неспособность и нежелание» убедить Иран вывести его военные формирования из Сирии⁴. Эта линия отныне предпола-

гает также возвращение такой базовой установки Вашингтона времен президентства Барака Обамы, как требование ухода Башара Асада с поста президента в результате политического транзита⁵. По-видимому, это «новшество» в позиции администрации Трампа во многом объясняется и нарочитым сближением Дамаска с Тегераном, выразившимся, в частности, подписанием 26 августа 2018 г. долгосрочного соглашения в области обороны, в соответствии с которым Иран взял на себя обязательства по восстановлению и развитию всей военной сферы в Сирии, что трактуется на Западе как подведение юридической базы для «увечковечивания военного присутствия Ирана в Сирии» [*Majidiyar* 2018]. Это не должно удивлять, поскольку затраты Тегерана на асадовскую Сирию – в финансово-материальном выражении, не говоря уже о числе жертв среди иранцев – чрезвычайно впечатляют: по расчетам составителей доклада Госдепа США от мая 2018 г., за последние шесть лет (с начала гражданской войны в Сирии) Тегеран потратил на поддержку режима Башара Асада 16 млрд долл., из которых якобы 4,6 млрд долл. (с 2012 по 2017 гг.) направлены непосредственно на помощь сирийской армии; за тот же период ливанская Хизбалла ежегодно получала от иранцев помощь в объеме 700 млн долл., почти 100 млн долл. получали радикальные палестинские ХА-МАС и «Исламский джихад» [*Outlaw Regime* 2018].

1 Iran's Rouhani Warns Trump about 'Mother of All Wars' (2018) // Reuters, July 22, 2018 // <https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-usa-rouhani/irans-rouhani-warns-trump-about-mother-of-all-wars-idUSKBN1KC07Z>, дата обращения 30.11.2018.

2 Trump DJ. (2018) To Iranian President Rouhani: NEVER, EVER THREATEN THE UNITED STATES AGAIN // Twitter, July 22, 2018 // <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/1021234525626609666>, дата обращения 30.11.2018.

3 DeYoung K. (2018) Trump Agrees to an Indefinite Military Effort and New Diplomatic Push in Syria, U.S. Officials Say // *The Washington Post*, September 6, 2018 // https://www.washingtonpost.com/world/national-security/in-a-shift-trump-approves-an-indefinite-military-and-diplomatic-effort-in-syria-us-officials-say/2018/09/06/0351ab54-b20f-11e8-9a6a-565d92a3585d_story.html?noredirect=on&utm_term=.3c7a66fffa24, дата обращения 30.11.2018.

4 Там же.

5 Там же.

Истоки и нынешнее состояние антииранской стратегии США

При анализе причин и факторов возрастающего уровня враждебности между США и Ираном может сложиться впечатление, что речь идет о факторах, не связанных с прямым противостоянием этих двух стран, а опосредованных (косвенных). Действительно, казалось бы, от Ирана не исходит и не может исходить прямой угрозы Соединенным Штатам в силу географической отдаленности и несопоставимости военной мощи двух государств. Преобладающие же в США антииранские настроения чаще всего объясняют причинами из относительно недавней истории: антиамериканской направленностью исламской революции 1979 г., рядом последовавших за ней (вытекавших из нее) трагических инцидентов (например, захватом американского посольства с ноября 1979 по январь 1981 гг., позицией США в поддержку режима Саддама Хусейна в ходе войны между Ираном и Ираком в 1980–1988 гг. и т.д.). Главную же причину нынешнего противостояния большинство аналитиков склонны объяснять обострившимися отношениями Ирана не столько с самими США, сколько с американскими союзниками и партнерами в регионе Ближнего Востока и Персидского залива (в частности, с Израилем и арабскими монархиями). Все это, безусловно, присутствует и не должно недооцениваться.

В 1980-е гг. задача прежде всего защиты арабских партнеров и Израиля от реальной или гипотетической иранской угрозы была положена в основу концепции «сдерживания Ирана». В 1990-е гг. эта концепция была распространена Белым домом на Ирак, который хоть и потерпел поражение в войне против международной коалиции «Буря в пустыне» (1991), но сохранял по-

тенциал угрозы своим арабским соседям. Обновленная концепция получила название «Двойное сдерживание». Ею руководствовалась в своем подходе к странам Персидского залива администрация демократа Билла Клинтона (1992–2000). Речь шла прежде всего о защите арабских монархий и Израиля от «иранского экстремизма» и одновременно от угроз, исходивших для них от режима Саддама Хусейна в Ираке.

Теракты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне еще больше усилили негативное восприятие большинством граждан США режимов в Иране и Ираке. Одним из главных следствий этой трагедии стало распространение среди простых американцев психологического эффекта «приближения ближневосточного терроризма к Америке», эффекта нависания этой угрозы над рядовыми гражданами США. Отсюда, как показывали опросы, и мощная поддержка свержения в марте 2001 г. командой Джорджа Буша-младшего режима Саддама Хусейна, подозревавшегося в создании и хранении оружия массового поражения и в поддержке террористических группировок. Отсюда и восприятие предполагаемой ядерной программы Ирана как прямой угрозы не только региональным союзникам Вашингтона, но и самим Соединенным Штатам. Кстати, также вкуче с подозрениями и обвинениями иранских властей в поддержке террористических группировок, включая «Аль-Каиду».

Одновременно по мере вовлечения США в события в Ираке, а затем и в Сирии, среди американцев все отчетливее формировалось восприятие потенциальной иранской угрозы уже как непосредственно (минуя американских союзников на Ближнем Востоке) направленной против Америки и ее граждан. Это восприятие четко фиксируют опросы общественного мне-

ния в США: так, проведенные разными социологическими центрами в период с мая по октябрь 2018 г. исследования показали, что как к «недружественной» и «враждебной» стране, а также как к источнику «серьезной угрозы» к Ирану стабильно относятся от 70 до 80% (самый низкий и самый высокий показатели)⁶.

Этот антииранский настрой аккумуляровался и нарастал среди американцев на фоне происходившего в таких конфликтных точках, как Сирия, Ирак, Йемен. Вот как процесс усиления Ирана в регионе описал известный израильский аналитик Эфраим Инбар: «Реализация революционного эксперимента Ираном была во многом облегчена политикой Буша-младшего, затем Обамы и, наконец, Трампа. Военная интервенция разрушила Ирак (режим Хусейна. – АИШ), жесткого оппонента Ирана, подорвав баланс сил в регионе (в пользу Ирана. – АИШ). Последовавшая за этим демонстрация Обамой слабости была продолжена вызывающим вопросом стремлением Трампа обеспечивать безопасность в регионе. Арабосуннитские государства до сих пор испытывают страх от ядерной программы Ирана, а также от успехов иранских союзников в регионе (Хизбаллы, шиитских милиций в ряде арабских стран. – АИШ). Они (арабы. – АИШ) слабы. Саудовская Аравия не смогла сдерживать наращивания влияния Ирана в Сирии и Ираке» [Inbar 2018].

В этих условиях арабские монархии и Израиль с надеждой смотрят на Вашингтон, полагая, что в отличие от своего предшественника Обамы Трамп сдержит собственные обещания по защите союзников перед лицом иран-

ской угрозы – прямой или гибридной (через иранских прокси). Эту надежду ближневосточных партнеров США разделяют и большинство американцев, но с одной поправкой – без крайней необходимости не допускать вовлечения Америки в боевые действия в конфликтных точках региона: ракетные удары по объектам Асада и Ирана в Сирии одобряются большинством, но только не «сапоги на сирийской земле». Исследования фиксируют существенное преобладание таких настроений на массовом уровне и их отражение в политическом классе независимо от партийной принадлежности: опубликованный в начале января 2018 г. опрос компании J. Wallin Opinion Research показал, что против втягивания в наземные операции, но за применение ограниченных военных мер высказываются 78% демократов, 64,5% республиканцев и 68,8% независимых политических активистов. При этом 86,4% опрошенных считают, что в качестве «последнего аргумента» может и должна использоваться сила [Garden 2018]. Показательно также, что число тех, кто полагает, что столкновение с Ираном становится неизбежным, практически сравнялось с носителями противоположной точки зрения. В июле 2018 г. компания Rasmussen Reports зафиксировала в пределах 37% поддерживающих военную операцию против Ирана, а противников – порядка 38%⁷. При этом в сентябре 2018 г. 50% опрошенных той же компанией сочли, что принимаемые администрацией Трампа меры по принуждению Ирана к переговорам для «улучшения ядерной сделки» (а не полного отказа от нее) могут оказаться продуктивными. 40% опрошен-

6 Poll: Iran – What Is Your Overall Opinion of Iran? (2018) // Gallup // <http://www.pollingreport.com/iran.htm>; <https://news.gallup.com/poll/116236/iran.aspx>, дата обращения 30.11.2018.

7 37% Call for U.S. Military Action against Iran (2018) // Rasmussen Reports, July 27, 2018 // http://www.rasmussenreports.com/public_content/politics/current_events/iran/37_call_for_u_s_military_action_against_iran, дата обращения 30.11.2018.

ных считают эти шаги президента бесполезными⁸.

Утверждая, что политика Ирана противоречит интересам США в регионе, ряд аналитических центров и правительство Дональда Трампа прибегают к следующим формулировкам понятия «интересы США в зоне Персидского залива»: речь прежде всего идет о необходимости для США «противодействовать распространению оружия массового поражения и терроризма; защищать от угрозы терроризма население и территорию Соединенных Штатов; поддерживать союзников в регионе; обеспечивать гарантии свободы навигации в Персидском заливе и поступления отсюда углеводородов на мировые рынки» [Seeking Sustainability at Sustainable Cost 2017].

Проводя линию на сдерживание Ирана в Персидском заливе посредством демонстрации мощи Пятого флота США (базирующегося на Бахрейне) и авиабазы «Эль-Удейд» на территории Катара, Пентагон приступил к наращиванию потенциала противостояния Ирану в Сирии. «Слишком глубокое проникновение» Ирана в Сирию американские стратеги начинают воспринимать как угрозу их региональным союзникам – ведь Сирия со всех сторон граничит с партнерами Америки: Ираком, Иорданией, Турцией, Израилем [Seeking Sustainability at Sustainable Cost 2017].

Примечательно, что весьма авторитетная команда Центра двухпартийной политики (ЦДП), призванная разрабатывать проекты (основные линии) стратегических концепций США вне зависимости от внутривнутриполитических пристрастий (ЦДП состоит из видных экспер-

тов, сочувствующих обеим партиям – Демократической и Республиканской), предлагает реализовывать следующие три стратегические модели противостояния с Ираном на территории Сирии.

1. **Откат (rollback)**: оказывать нарастающее давление на силы Асада и Ирана (включая в случае необходимости и применение военной силы) с тем, чтобы *принудить их отойти от границ* с Турцией, Израилем и Иорданией; эта опция предполагает и оказание поддержки властям иракского Курдистана, а также иракским суннитам и настроенным против Ирана иракским шиитам в противостоянии влиянию Ирана, которое сказывается и на уровне государственных структур в Багдаде.

2. **Сдерживание (containment)**: задача этой модели – *удерживать завоевания и приобретения (международной коалиции) на востоке Сирии*, использовать этот плацдарм для обозначения красных линий Тегерану и Дамаску в их попытках атаковать американских союзников и партнеров. В применении к Ираку эта опция предполагает наращивание поддержки действующему правительству Абади с тем, чтобы поощрить его дистанцирование от Тегерана.

3. Третью модель авторы доклада называют **Modus Vivendi**, или «напряженное сосуществование»: она предполагает использование фактора силового воздействия на Тегеран с тем, чтобы принудить его, а вместе с ним Дамаск и Москву, к политическому компромиссам по всему фронту – прежде всего с суннитскими монархиями. Речь идет о поиске баланса сил и соответствия стратегических установок такому балансу, который был бы в состоянии обеспечить сосуществование шиит-

8 Half Think New Iran Sanctions Will Be Effective in Renegotiating Nuclear Deal (2018) // Rasmussen Reports, August 9, 2018 // http://www.rasmussenreports.com/public_content/politics/current_events/iran/half_think_new_iran_sanctions_will_be_effective_in_renegotiating_nuclear_deal, дата обращения 30.11.2018.

ского Ирана с суннитскими монархиями [U.S. Policy toward Iran 2018]. При этом авторы доклада подчеркивают, что третья опция (принуждение к политическому решению) вряд ли может быть самостоятельной: ее рекомендуют использовать как приложение к одной из первых двух [U.S. Policy toward Iran 2018]. Главная же рекомендация авторов данного доклада – Пентагон должен сохранить присутствие американских подразделений на северо-востоке Сирии и в соседних с ней государствах – практически дословно повторяется и в докладах других ведущих в США «мозговых центров»⁹.

Заметим, что объявленная спецпредставителем Госдепа по Сирии Джеймсом Джеффри «обновленная стратегия США в Сирии» в целом совпадает с рекомендациями ведущих в США «мозговых центров». Эту линию на приоритет задачи «выдавливания» Ирана из Сирии подтвердил и глава Госдепа Майк Помпео в ходе своего выступления 10 октября 2018 г. в Еврейском институте Национальной безопасности США. По его словам, «американские войска находятся в Сирии, в том числе, чтобы сдерживать Иран». И добавил: «Если Сирия не обеспечит полный вывод поддерживаемых Ираном сил, она не получит от США ни одного доллара на реконструкцию» [Pompeo 2018].

О значимости для Вашингтона выстроенной стратегии «выдавливания Ирана» из Сирии и других арабских стран говорит и попытка президента Трампа всячески минимизировать прозвучавшее на весь мир преступление – убийство оппозиционного саудовского журналиста Джамала Хашогги в консульстве КСА в Стамбуле 2 октября 2018 г. И хотя это преступление осно-

вательно подорвало имидж саудовских властей на Западе, в частности наследного принца Мухаммеда бен Салмана как главного партнера Вашингтона в арабо-суннитском сегменте Ближнего Востока, администрация Трампа предприняла экстренные усилия с целью не допустить «зеркального эффекта» в виде некоторого улучшения имиджа Ирана: в начале октября Белый дом выпустил доклад, призванный продемонстрировать эволюцию антитеррористической стратегии США, в котором Иран называется «государством – главным спонсором терроризма» [National Strategy for Counterterrorism 2018]. Близкие к администрации «мозговые центры» также заметно активизировали усилия по обличению причастности Тегерана к преследованию оппонентов и оппозиционеров из числа иранских граждан за рубежом [Khalaji 2018].

Объявленный Дональдом Трампом выход США из международных договоров по регулированию иранской ядерной программы (СВПД) фактически стал сигналом начала разработки новой стратегии Вашингтона на Ближнем Востоке. В центре этой стратегии – задача противодействия Тегерану в военно-политической сфере, которую администрация Трампа намерена решить посредством восстановления санкций. Тем самым, рассчитывают в Вашингтоне, Иран будет лишен финансовых ресурсов, которые могут быть направлены на развитие ядерной и ракетной программ Исламской республики, а также будут сокращены возможности оказания властями Ирана поддержки радикальным движениям в регионе и для проведения там в целом экспансионистской политики. Дру-

9 См. также [Alaaldin, Fritz, Heydemann, Jones, O'Hanlon 2018].

гой важнейший аспект ближневосточной (главным образом – антииранской) стратегии Трампа – достижение сокращения иранского присутствия в Сирии, постепенное «выдавливание Ирана из Сирии» – в том числе и с применением военной силы в случае необходимости. Тем самым де-факто Сирия может стать полем противоборства США и их союзников с Ираном. Это противоборство коалиции западных и арабских государств с Исламской республикой становится главной линией напряжения нынешней стадии кризиса в самой Сирии и вокруг нее.

Список литературы

Alaaldin R., Fritz J., Heydemann S., Jones B., O’Hanlon M. (2018) A 10-degree Shift in Syria Strategy // The Brookings Institution, September 2018 // <https://www.brookings.edu/research/a-10-degree-shift-in-syria-strategy/>, дата обращения 30.11.2018.

Eisenstadt M. (2018) Regional Pushback, Nuclear Rollback: A Comprehensive Strategy for an Iran in Turmoil // The Washington Institute for Near East Policy, January 2018 // <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/regional-pushback-nuclear-rollback-a-comprehensive-strategy-for-an-iran-in>, дата обращения 30.11.2018.

Garden J. (2018) A New Poll Shows the Public Is Overwhelmingly Opposed to Endless US Military Interventions // The Nation, January 9, 2018 // <https://www.thenation.com/article/new-poll-shows-public-overwhelmingly-opposed-to-endless-us-military-interventions/>, дата обращения 30.11.2018.

Henderson S. (2018) The Details Reveal the True Danger of Iran’s Secret Nuclear Program // The Hill, May 1, 2018 // <https://thehill.com/opinion/national-security/385591-the-de>

tails-reveal-the-true-danger-of-irans-secret-nuclear-program, дата обращения 30.11.2018.

Inbar E. (2018) Israel’s War with Iran Is Inevitable // The Jerusalem Post, October 4, 2018 // <https://www.jpost.com/Opinion/Israels-war-with-Iran-is-inevitable-568698>, дата обращения 30.11.2018.

Khalaji M. (2018) Iran Intensifying Its Crackdown on Citizens Abroad // The Washington Institute for Near East Policy, November 2, 2018 // <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/iran-intensifying-its-crackdown-on-citizens-abroad>, дата обращения 30.11.2018.

Majidiyar A. (2018) New Defense Pact Cements Iran’s Military Presence in Syria, Empowers “Axis of Resistance” // Middle East Institute, August 30, 2018 // <http://education.mei.edu/content/io/new-defense-pact-cements-iran-s-military-presence-syria-empowers-axis-resistance>, дата обращения 30.11.2018.

National Strategy for Counterterrorism of the United States of America (2018) // The White House, October 2018 // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/10/NSCT.pdf>, дата обращения 30.11.2018.

Outlaw Regime: A Chronicle of Iran’s Destructive Activities (2018) // U.S. Department of State. Iran Action Group // <https://www.state.gov/documents/organization/286410.pdf>, дата обращения 30.11.2018.

Pompeo M.R. (2018) Remarks at the 36th Annual Jewish Institute for National Security of America Awards Dinner // U.S. Department of State, October 10, 2018 // <https://www.state.gov/secretary/remarks/2018/10/286559.htm>, дата обращения 30.11.2018.

Remarks by President Trump on Iran Strategy (2017) // The White House, October 13, 2017 // <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-iran-strategy/>, дата обращения 30.11.2018.

Seeking Sustainability at Sustainable Cost: Principles for a New U.S. Strategy in the Middle East. Report of the Task Force on Managing Disorder in the Middle East (2017) // Bipartisan Policy Center, April 2017 // <https://bipartisanpolicy.org/wp-content/uploads/2017/04/Seeking-Stability-at-Sustainable-Cost.pdf>, дата обращения 30.11.2018.

U.S. Policy toward Iran: Strategic Options. Report of the Task Force on Managing Disorder in the Middle East (2018)

// Bipartisan Policy Center, May 2018 // <https://bipartisanpolicy.org/wp-content/uploads/2018/05/BPC-National-Security-Strategic-Options-on-Iran.pdf>, дата обращения 30.11.2018.

Verification and Monitoring in the Islamic Republic of Iran in Light of United Nations Security Council Resolution 2231 (2015) (2018) // IAEA, August 30, 2018 // <https://www.iaea.org/sites/default/files/18/09/gov2018-33.pdf>, дата обращения 30.11.2018.

Donald Trump's anti-Iranian Strategy

Aleksandr I. SHUMILIN

DSc in Politics, Chief Researcher, Department of European Security, The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. Address: 11-3, Mokhovaya St., 125009, Moscow, Russian Federation. E-mail: mideast@bk.ru

Inna V. SHUMILINA

PhD in Politics, Senior Researcher, Institute for US and Canadian Studies. Address: 2/3, Khlebnj Lane, Moscow, 121069, Russian Federation. E-mail: mideast@bk.ru

CITATION: Shumilin A.I., Shumilina I.V. (2018) Donald Trump's anti-Iranian Strategy. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 6, pp. 56–67 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-56-67

ABSTRACT. *Against the background of the coupling of a number of crisis in the Middle East and the Persian Gulf (Syria, Yemen, Iran) the Donald Trump administration is elaborating its basic strategy toward those conflicts and toward the region as a whole. The centerpiece of the strategy is the task to counter Iran, foremost its nuclear program. From now on the American approaches to other regional crises are determined by this Anti-Iranian logic. It might mean in particular that the developments in Syria are being perceived in Washington primarily in context of the growing US confrontation with Iran. And only in the second turn – in context of seeking solution in Syria and for Syria itself.*

The New American strategy toward Iran came across open misunderstanding on the side of the Washington's partners in Europe who launched a campaign with the aim to resist the Trump's line as well as to keep on the world community's deal with Iran concluded in the year 2015 (JCPOA) which bears on restricting the size of the Iranian nuclear program versus gradual lifting of international sanctions from Iran. With intent to minimize the damage from Trump's withdrawal from the deal for the European companies in Iran the EU applied two defensive tools in the financial domain – The Blocking Statute and The Special Purpose Vehicle pertaining to secure the financial transactions with Teh-

ran. Such a clear EU's withstanding with the USA can hardly prove effective taking into account that the Washington's stake on countering Iran seems to let Trump's team to achieve many of the declared objectives in the Middle East. Among them – to mobilize the Sunni community in the region, to make it get closer to Israel and finally to reestablish the military dominance in the Persian Gulf with ability to control the oil export's roots there.

KEY WORDS: Iran, JCPOA, nuclear program, Syria, Donald Trump, strategy, Middle East, Persian Gulf

References

- Alaaldin R., Fritz J., Heydemann S., Jones B., O'Hanlon M. (2018) A 10-degree Shift in Syria Strategy. *The Brookings Institution*, September 2018. Available at: <https://www.brookings.edu/research/a-10-degree-shift-in-syria-strategy/>, accessed 30.11.2018.
- Eisenstadt M. (2018) Regional Pushback, Nuclear Rollback: A Comprehensive Strategy for an Iran in Turmoil. *The Washington Institute for Near East Policy*, January 2018. Available at: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/regional-pushback-nuclear-rollback-a-comprehensive-strategy-for-an-iran-in>, accessed 30.11.2018.
- Garden J. (2018) A New Poll Shows the Public Is Overwhelmingly Opposed to Endless US Military Interventions. *The Nation*, January 9, 2018. Available at: <https://www.thenation.com/article/new-poll-shows-public-overwhelmingly-opposed-to-endless-us-military-interventions/>, accessed 30.11.2018.
- Henderson S. (2018) The Details Reveal the True Danger of Iran's Secret Nuclear Program. *The Hill*, May 1, 2018. Available at: <https://thehill.com/opinion/national-security/385591-the-details-reveal-the-true-danger-of-irans-secret-nuclear-program>, accessed 30.11.2018.
- Inbar E. (2018) Israel's War with Iran Is Inevitable. *The Jerusalem Post*, October 4, 2018. Available at: <https://www.jpost.com/Opinion/Israels-war-with-Iran-is-inevitable-568698>, accessed 30.11.2018.
- Khalaji M. (2018) Iran Intensifying Its Crackdown on Citizens Abroad. *The Washington Institute for Near East Policy*, November 2, 2018. Available at: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/iran-intensifying-its-crackdown-on-citizens-abroad>, accessed 30.11.2018.
- Majidiyar A. (2018) New Defense Pact Cements Iran's Military Presence in Syria, Empowers "Axis of Resistance". *Middle East Institute*, August 30, 2018. Available at: <http://education.mei.edu/content/io/new-defense-pact-cements-iran-s-military-presence-syria-empowers-axis-resistance>, accessed 30.11.2018.
- National Strategy for Counterterrorism of the United States of America (2018). *The White House*, October 2018. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/10/NSCT.pdf>, accessed 30.11.2018.
- Outlaw Regime: A Chronicle of Iran's Destructive Activities (2018). *U.S. Department of State. Iran Action Group*. Available at: <https://www.state.gov/documents/organization/286410.pdf>, accessed 30.11.2018.
- Pompeo M.R. (2018) Remarks at the 36th Annual Jewish Institute for National Security of America Awards Dinner. *U.S. Department of State*, October 10, 2018. Available at: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2018/10/286559.htm>, accessed 30.11.2018.
- Remarks by President Trump on Iran Strategy (2017). *The White House*, October 13, 2017. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-iran-strategy/>, accessed 30.11.2018.

Seeking Sustainability at Sustainable Cost: Principles for a New U.S. Strategy in the Middle East. Report of the Task Force on Managing Disorder in the Middle East (2017). *Bipartisan Policy Center*, April 2017. Available at: <https://bipartisanpolicy.org/wp-content/uploads/2017/04/Seeking-Stability-at-Sustainable-Cost.pdf>, accessed 30.11.2018.

U.S. Policy toward Iran: Strategic Options. Report of the Task Force on Managing Disorder in the Middle East (2018).

Bipartisan Policy Center, May 2018. Available at: <https://bipartisanpolicy.org/wp-content/uploads/2018/05/BPC-National-Security-Strategic-Options-on-Iran.pdf>, accessed 30.11.2018.

Verification and Monitoring in the Islamic Republic of Iran in Light of United Nations Security Council Resolution 2231 (2015) (2018). *IAEA*, August 30, 2018. Available at: <https://www.iaea.org/sites/default/files/18/09/gov2018-33.pdf>, accessed 30.11.2018.